

Общие нарративы в колымских поздненеолитических захоронениях и этнокультурных материалах юкагиров

Л. Н. Жукова*

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия

Аннотация. Представлен анализ артефактов колымских поздненеолитических захоронений в сопоставлении с отдельными элементами традиционной и современной культуры юкагиров, которых считают потомками поздненеолитического населения ымыяхтахской культуры Якутии, для исторических ретроспекций выбрана локальная группа лесных юкагиров Верхней Колымы. Исследуются исторические корни юкагирской культуры в археологических памятниках Якутии, интерпретируются отдельные выявленные нарративы в разновозрастных памятниках. Использованы сравнительно-сопоставительный и ретроспективный методы. Сделан вывод о наличии определенных параллелей отдельных элементов культуры юкагиров конца XIX – начала XXI в. и колымского населения позднего неолита.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, лесные юкагиры, ретроспекции, параллелизм, культурное наследие, неолитические традиции, нарратив «острое», парные могилы, иноэтническое влияние.

Жукова Л. Н. Общие нарративы в колымских поздненеолитических захоронениях и этнокультурных материалах юкагиров // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2025. Т. 53. С. 16–29. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2025.53.16>

Common Narratives in Kolyma Late Neolithic Burials and Ethnocultural Materials of the Yukaghirs

L. N. Zhukova*

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Abstract. Researchers believe that the Yukaghir-speaking tribes, belonging to the Uralic language family, are descendants of the Late Neolithic Ymyakhtakh culture of Yakutia. Late Neolithic artifacts from Kolyma are compared with individual elements of traditional and modern Yukaghir culture. For the historical expositions in this study, the local group of forest Yukaghirs of the Upper Kolyma was selected. The purpose of this article is to search for the historical roots of the Yukaghir culture in the archaeological sites of Yakutia; the tasks include the interpretation of individual narratives identified in sites of different ages. The study used comparative and retrospective methods. Traces of parallelism have been identified between individual cultural elements from the late 19th and early 21st centuries and artifacts from Neolithic burials in Kolyma. Based on materials from different historical eras, the narrative of the concept of “sharp” is reconstructed, as well as one of the possible reasons for the appearance of two adjacent ancient burials of people of different social status. The conclusions are based on the realities of spiritual culture and the objective world. A structural analysis of Odul's riddle yielded three sets of semantic features related to the words “sharp”, “bone”, and “thought”. Each of the signs is considered separately, with special attention paid to the “sharp” narrative. At the final stage of the Neolithic, a specific element of the burial rite was observed, which consisted of placing a pointed (sharp) tool under the head of the deceased. The revealed parallels indicate the influence of the ancient population (who left behind ground burials) on the indigenous population of the Kolyma region. In our opinion, the cultural influence was so significant that echoes and associated images can be seen even after several thousand years. However, it is possible that some of these narratives were transmitted from the very beginning. It is necessary to investigate the presence of these narratives in the subsequent cultures of the Yukaghir tribes of the Middle and Lower Kolyma, which existed before the advent of reindeer herding and during its development.

Keywords: Northeast Asia, forest Yukaghirs, retrospection, parallelism, cultural heritage, Neolithic traditions, narrative “sharp”, paired graves, foreign ethnic influence.

For citation: Zhukova L. N. Common Narratives in Kolyma Late Neolithic Burials and Ethnocultural Materials of the Yukaghirs. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2025, Vol. 53, pp. 16–29. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2025.53.16> (In Russ.)

* Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
See the last page of the article for full authors information.

Введение

Отдаленными потомками поздненеолитической ымыяхтахской культуры Якутии ряд исследователей считает юкагироязычные племена, принадлежащие уральской семье языков [Симченко, 1976; Федосеева, 1980; Эверстов, 2014]. В настоящее время наиболее изучена локальная группа лесных юкагиров

(самоназвание – *о́дул* ‘сильный, могучий’) верхней Колымы с центром расселения в с. Нелемном; эта группа выбрана нами для палеоэтнографических ретроспекций и сопоставлений. Целью настоящего исследования являются поиски историко-генетических корней юкагирской (о́дульской) культуры и связи их с колымскими неолитическими захоронениями ымыяхтахской культуры; в задачи входят интерпретации параллельных нарративов разновременных эпох.

В Восточной Сибири на протяжении длительного времени огромные пространства расселения носителей ымыяхтахской культуры посещались выходцами из соседних приграничных зон, в результате имели место процессы смешения различных культурных элементов, адаптации и ассимиляции. Предпринятые в настоящей статье палеоэтнографические исследования показывают, что как Средняя, так и Нижняя Колыма в позднем неолите являлись территориями, где пришлые группы, возможно, из Прибайкалья и Приморья, оставили грунтовые захоронения с привнесенными южными компонентами [Жукова, 2015а, 2015б]. Полученные выводы опираются на реалии духовной культуры и предметного мира верхнеколымских одулов и со всей вероятностью могут быть экстраполированы на другие, в настоящее время слабо изученные юкагиорязычные племена этнотерриториальной общности.

Материалы и методы

Исследование носит междисциплинарный характер и осуществлено на основе данных археологии, этнографии, фольклора и словаря юкагирского языка [Иохельсон, 2005б, с. 446–491]. В качестве ведущих методов использованы сравнительно-сопоставительный, ретроспективный, структурный анализ и опрос носителей культуры. Опорными являются опубликованные материалы раскопок поздненеолитических захоронений (^{14}C 4100±100 – 3300±100 л. н.) на Средней и Нижней Колыме, проведенных в конце XX – начале XXI в. [Кашин, 2013; Кашин, Калинина, 1997; Кистенев, 1980], этнографические и фольклорные данные по юкагирской культуре: традиционной конца XIX – начала XX в. [Иохельсон, 2005а, 2005б; Спиридонов (Тэки Одулок), 1996] и современной, середины XX – начала XXI в. [Юкагиры ..., 1975; Фольклор ..., 1989; Фольклор ..., 2005; Прокопьева, 2011; Гончаров, 2022]. В период 1986–2007 гг. автором также собраны полевые материалы у лесных юкагиров Верхнеколымского района ЯАССР (после переименования – Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия)) [Жукова, 2011, 2012, 2025]. Часть полученных предметов материальной культуры передана в фонд Музея музыки и фольклора народов Якутии (ММФНЯ).

Аналогии и их интерпретация

На Средней Колыме в 1990-х и 2000–2008 гг. проводила полевые исследования археологическая экспедиция Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН под руководством канд. ист. наук В. А. Кашина.

На стоянке Помазкино III обнаружены два грунтовых захоронения – мужское и женское, вскрытые и ограбленные еще в древности. В мужском захоронении № 1 заключительной фазы позднего неолита костные останки оказались перемещены, большая часть их вынута, костяк фрагментирован. Отсутствующий череп мужчины представлен одним обломком, на месте черепа лежали два каменных наконечника стрел: целый экземпляр с выпуклыми боковыми сторонами

и прямым основанием (тип характерен для среднеколымских памятников) и острое со сломанным насадом [Кашин, Калинина, 1997, с. 24, 93, табл. 45]. Поскольку могила оказалась вскрытой, отсутствие многих частей скелета мы склонны объяснять их изъятием грабителями еще в древности.

От указанной могилы на расстоянии 1,2–1,7 м в погребении № 2 молодой женщины части разбитого черепа располагались ближе к области шеи, груди и влево от живота, вместе с ними, вероятно, смещенным к груди оказался наконечник копья иволистной формы с пильчатыми краями из серого кремнистого сланца [Кашин, 2013, с. 223, рис. 117; Кашин, Калинина, 1997, с. 26, 95]. Предположительно первоначальное местоположение наконечника копья было связано с черепом.

О том, что наконечники стрел (погребение № 1) и копья (погребение № 2) могли быть уложены при совершении погребального ритуала (а не принесены позднее грабителями в качестве искупительной жертвы) и не случайно оказались в верхних частях костяков, свидетельствует неразграбленная могила молодой женщины со стоянки Родинка II (Нижняя Колыма), где под разрушенным черепом найден двусторонне ретушированный кремневый наконечник копья [Кистенев, 1980, с. 81–83]. С. П. Кистенев датировал Родинское захоронение заключительным этапом среднего неолита [Там же, с. 87], однако В. А. Кашин убедительно доказал его поздненеолитический возраст [Кашин, 2013, с. 43]. В перечисленных грунтовых захоронениях Средней и Нижней Колымы заключительной фазы неолита прослеживается гипотетически общий элемент погребального обряда: *помещение остроконечных колющих орудий под головы погребенных*. Рассмотрим предполагаемый элемент древней обрядности в контексте традиционной юкагирской культуры Нового и Новейшего времени.

По свидетельству исследователей конца XIX – начала XX в., одулы не хоронили в грунтовых могилах, предпочитая наземные шалаши зимой и воздушные на помосте летом [Иохельсон, 2005б, с. 305; Спиридонов (Тэки Одулок), 1996, с. 52]. В описаниях устройства юкагирских могил и расположении сопроводительного инвентаря интересующая нас особенность не выявлена [Туголуков, 1980]. Однако ассоциативная связь головы как мыслящей и направляющей части тела с колюще-режущим предметом обнаруживается в загадке верхнеколымских одулов: «Среди подушки острый костяной нож лежит». Ответ: «Дума» [Иохельсон, 2005а, текст № 92/3, с. 226]. Загадка – текст, относящийся к малым жанрам фольклора. В результате структурного анализа текста загадки получим три семантических ряда, касающихся слов «острое», «кость», «дума».

Острое: нож – оружие/орудие; дума биологически и функционально связана с материальной частью тела – головой. Таким образом, можно выстроить первый семантический ряд: острое – нож (оружие/орудие) – дума (в голове).

Кость. С вхождением северо-востока Азии в состав Российского государства в XVII в., с распространением огнестрельного оружия и предметов из металла, наконечники стрел, копий, ножи из природных материалов (камень, кость, дерево) стали признаками анахронизма и вышли из употребления. В конце XIX в., когда записана загадка, в обиходе были железные ножи нескольких типов и назначений [Иохельсон, 2005б, с. 597–603], т. е. загадка отсылает к предыдущей эпохе каменно-костяного инструментария. Указанием на природный материал загадка и ответ на нее дважды обыгрывают биологическую номинацию:

кость – нож (оружие/орудие); кость – аллегория головы, лежащей на подушке. В результате получаем второй семантический ряд: кость – нож (оружие/орудие) – голова.

Дума: загадывается через острый режущий предмет из кости; функционально принадлежит голове. Третий семантический ряд объединяет номинации: дума – острый предмет – голова.

В совокупности термины «острое», «кость», «дума» являются маркерами головы человека, они взаимообусловлены. Голова на подушке имеет «острые» думы, уподобленные ножу.

Нас интересует первый семантический ряд (*определение «острое»*), получивший материальное воплощение в архаическом костяном предмете; в символическом плане *предмет (нож) сопоставлен с думой/головой*. Маркер «острое» в палеоэтнографии и этнографии юкагиров имеет несколько значений. В ранних исторических эпохах (неолит, бронзовый век) остроголовые антропоморфы типичны для наскальных рисунков Восточной Сибири, в частности Средней Лены, Алдана, Олекмы (рис. 1) [Окладников, Запорожская, 1972; Окладников, Мазин, 1976, 1979]. Ареал остроголовых фигур охватывает Забайкалье, Приамурье, Чукотку. В Колымском регионе самые ранние остроголовые антропоморфы выявлены в резьбе по кости на предмете неизвестного назначения из грунтового захоронения молодой женщины со стоянки Родинка II [Кистенев, 1980; Жукова, 2025].

В этнокультурном поле лесных юкагиров определение «острое» распространяется на широкий круг номинаций, связанных с головой человека и гениталиями.

В мифопоэтических представлениях конца XIX – начала XX в. В. И. Иохельсон зафиксировал образ остроголового предка по мужской линии *Йоодичиньул хаха* ‘Дедушка с Остроконечной Головой’ [Иохельсон, 20056, с. 222]. Через столетие этот же персонаж в фольклорных текстах конца XX в. известен под именем *Йоодэишьэньулбэн* ‘Острая Голова’, досл. ‘голова как будто острая’ [Фольклор ... , 1989, ч. 1, коммент. 1 к тексту № 9, с. 136].

Остроголовые мужские и женские персонажи (рис. 2) прочерчены в женских пиктографических письмах на бересте конца XIX – начала XX в. [Иохельсон, 20056, с. 622, 623, рис. 71] и на бумаге в середине XX в. («Мысли стремятся к тебе, да не встретились мы») [Юкагиры ... , 1975, с. 56, 57]. Специфический абрис фигур людей интерпретируется вариативно. В. И. Иохельсон сравнил их со сложенным зонтиком; это компиляция орнаментальных мотивов *шоромо* ‘человек’ и *шаал* ‘дерево’ в тесной связи с культом предков [Жукова, 2012, с. 205–216].

Рис. 1. Наскальные рисунки бассейна р. Лены [Окладников, Запорожская, 1972; Окладников, Мазин, 1976; Окладников, Мазин, 1979]

Fig. 1. Rock paintings of the Lena River basin [Okladnikov, Zaporozhskaya, 1972; Okladnikov, Mazin, 1976; Okladnikov, Mazin, 1979]

Вероятно сравнение с черешковым наконечником *йоботи* ‘стрела’ или *чобинэ* ‘копье’. В конце XX – начале XXI в. остроголовые фигуры *онмиэдиэ* ‘молодой человек – молодая лиственница’ мастерицы вышивали на мягких материалах (одежда, сумки) (рис. 3) [Жукова, 2011, с. 6, 9, рис. 2]. В контексте исследуемой темы примечательно, что в пиктографических письмах головы людей, преимущественно женщин, сопряжены с непрерывными линиями или пунктиром, направленными к мужской фигуре или группе фигур, графически они обозначают «думы» влюбленной девушки, старших родственников, умершей женщины.

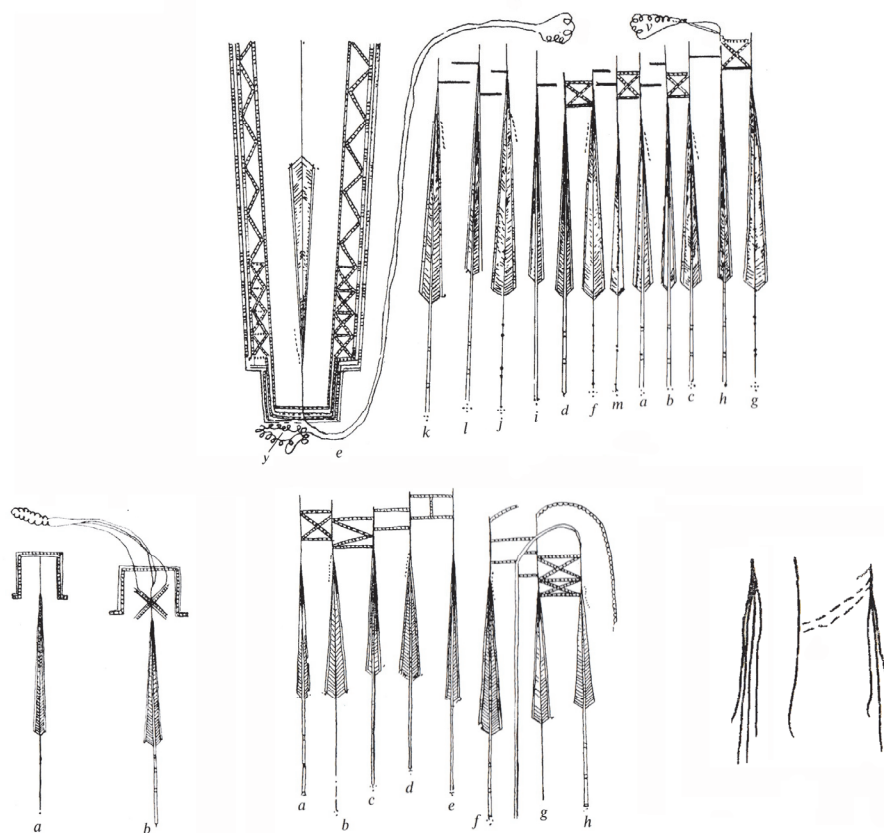

Рис. 2. Женские пиктографические письма одулов [Иохельсон, 2005б; Юкагиры ... , 1975]

Fig. 2. Odul female pictographic letters [Iokhelson, 2005b; Yukaghirs ... , 1975]

Рассматриваемый сюжет можно наблюдать еще в одном материальном воплощении – массивные амулеты из дерева *шаан шоромо* ‘деревянный человек’, развешанные на деревьях, оказывали всему роду покровительство, помощь и защиту. Фигура предка-защитника имела удлиненную остроконечную голову, поэтому В. И. Иохельсон [2005б, с. 239] назвал ее «человеком, подвешенным за косы». К сожалению, в этнографической коллекции В. И. Иохельсона, хранящейся в Американском музее естественной истории, отсутствуют натуральные экспонаты «деревянных человечков». Полевые материалы конца XX в. демонстрируют

Рис. 3. Летняя обувь и сумочка из ровдуги с узором *өнмиэдиэ* [Жукова, 2011]

Fig. 3. Summer shoes and handbag made of leather with *önmiédié* pattern [Zhukova, 2011]

сохранение образа мужского остроголового *пэн йуойэ* ‘охранитель домашнего очага’ в малой мобильной пластике из дерева (рис. 4) [Жукова, 2011]. Ту же символику несет изготовленный из дерева амулет *уөн йуойэ* ‘охранитель ребенка’ (рис. 5) [Там же]. На одном конце короткого столбика (высота 23 см) вырезана круглая голова с улыбающимся лицом, другой конец заострен, его втыкают в землю у изголовья ребенка. Заостренный конец изделия имеет семантические связи с остроконечной формой головы, землей и подземным миром предков. Умерших, убитых людей, животных юкагиры изображали в перевернутом виде с головой, ориентированной вниз. В одульском охранителе *уөн йуойа* заключена синкретическая опредмеченная связь поколений: круглоголовый – остроголовый, потомок – предок, живой – мертвый, молодой – старый. В абрисе изделия воплощена идея цикличности и возобновляемости родовых поколений людей.

Культурные элементы, иллюстрирующие понятие «острое» в совокупности с антропоморфными материальными фигурами, проявляют синонимичность в абрисах *головы персонажей*, что позволяет включить нарративы разных эпох в один семантический ряд с вполне определенной эстетикой. Остроголовость является одним из этнокультурных маркеров предков юкагиров. В материальном воплощении это предметы из дерева, наконечники из кости, вышитые на мягких изделиях орнаментальные узоры. Обнаруживается, что в культурном поле одулов конца XIX – начала XXI в. сохранялись реплики и ассоциативные следы ранних нарративов. Багаж культурных «окаменелостей» одулов включал также круглоголовые персонажи – вторая составляющая абриса человека в тех же исторических эпохах [Иохельсон, 20056; Окладников, Запорожская, 1972; Жукова, 2011].

Еще одна предполагаемая параллель, как отмечено выше, относится к области гениталий. Тазовые кости в мужском ограбленном погребении № 1 отсутствуют, как и некоторые другие части скелета. В области *изъятых тазовых костей* лежал наконечник стрелы/дротика, черешковый, двусторонне ретушированный [Кашин, 2013, с. 21; Кашин, Калинина, 1997, с. 24, 25]. Материал – светло-серый

Рис. 4. Мужской остроголовый охранитель домашнего очага *пэн йуойэ*, дерево, мастер В. Г. Шалугин, с. Нелемное [ПМА 2; Жукова, 2011]. Из фондов Музея музыки и фольклора народов Якутии

Fig. 4. Male sharp-headed guardian of the hearth *pen yuoye*, wood, master V. G. Shalugin, Nelemnoe village [Author's field materials 2; Zhukova, 2011]. From the collections of the Museum of Music and Folklore of the Peoples of Yakutia

кремнистый сланец – типичен для предметов этого захоронения (нож, один из наконечников стрел на месте отсутствующего черепа). Такой тип встречается среди изделий среднего и позднего неолита Средней Колымы [Кашин, 2013, с. 159, табл. 1, тип 2Б].

Рядом, в грунтовой могиле № 2, у костяка молодой женщины также отсутствовали тазовые кости, за исключением крестца, нет костей стопы. Инструментарий беден. В области таза над правой бедренной костью лежали тесло со сломанным лезвием и вкладыш; ниже фаланговых костей стоп находился наконечник дротика. Четырехгранный наконечник дротика из черного кремня является пока единственным подобным артефактом среднеколымских неолитических находок [Кашин, 2013, с. 22, 160, табл. 2, тип 4]. Костяные орудия отсутствуют.

Разброс в могильной яме № 1 фрагментов костяка мужчины показывает, насколько тщательно грабителями были произведены поиски предметов, в особенности из кости (?). Вынутые изделия становились достоянием аборигенной культуры, их копировали, адаптировали в свой инструментарий. Не исключено, что грабителями в качестве искупительной жертвы были принесены какие-то предметы, что наблюдалось на стоянке Каменка II в погребении детей на Средней Колыме [Кашин, 2013; Жукова, 2015б]. Это осложняет составление типологического ряда изначального базового инструментария. В грунтовой могиле трех детей на ымыяхтахской кратковременной стоянке Каменка II отсутствовали тазовые кости двух старших детей.

На вероятное существование смысловых связей между тазовыми костями и остроконечниками указывают артефакты женского Родинского захоронения, ценного для нас нетронутостью костяка, изначальным расположением предметов, их числом и использованным сырьем. В могиле, как отмечалось, под разрушенным черепом находился двусторонне ретушированный кремневый наконечник копья, ниже на тазобедренных костях лежали 4 остроконечных изделия древнего арсенала: кремневый треугольный наконечник стрелы с

выпуклыми боковыми сторонами и прямым основанием и 3 крупных наконечника копий (сланцевый иволистный двусторонне ретушированный; каменный двусторонне ретушированный для копья или кинжала; костяной с ромбическим острием и «сквозным пазом для крепления вкладышей») [Кистенев, 1980, с. 82, табл. IV, рис. 11, с. 86]. Обилие остроконечников в области тазовых костей наводит на мысль об их смысловых связях с гениталиями.

Приведем косвенные свидетельства из багажа юкагирской культуры. В словаре, составленном В. И. Иохельсоном, находим *коипэд ичи* ‘пенис’ (досл. ‘молодого человека орган’), возможно, *ичи* от *ичэ* в значении: 1) ‘острие’, 2) ‘кончик’; *паипэд ичи* ‘вульва’ (досл. ‘женский орган’), с тем же значением *ичи* [Иохельсон, 2005б, с. 453, 472, 478]. В юкагирской лексике к детородным органам мужчин и женщин применимо общее обозначение *ичи/ичэ* ‘острое’. На древность возникновения отождествления указывает наскальный рисунок бронзового века в композиции на р. Синей (Средняя Лена). Танцующая остроголовая антропоморфная фигура держит небольшой эллипсовидный лук перед безрогой лосихой, фаллоидная форма свидетельствует о возбужденном состоянии зверя [Окладников, Запорожская, 1972, с. 44, табл. 77]. Предположительно в колымских захоронениях предметный код (крупные остроконечники в области таза) символизирует гениталии и репродуктивную потенцию вне гендерных различий. В таком случае фаллические фигуры наскальных рисунков Восточной Сибири могут читаться как мужские, либо женские в зависимости от контекста, композиции и сопроводительных знаков. Кстати, имя остроголового предка *Йоодэишэньулбэн* в конце XX в. приобретает такой вариант значения, как ‘голова пистькой’ [ПМА 1].

В Родинском захоронении обращает на себя внимание обилие обнаруженных остроконечников (11 экз.), из них наконечников стрел 7 экз., копий 4 экз., в разных частях костяка молодой женщины, они не положены рядом с телом, например, наконечники стрел в колчане. Расположение предметов наводит на мысль, что молодая женщина могла погибнуть в результате исполнения *особого обряда принесения пленника в жертву языческим божествам*. В научной литературе о возможном исполнении такого обряда имеются следующие сообщения. Один из погребенных пунукского времени (VI – начало XVI в.) на о. Святого Лаврентия (северо-восток Чукотки), мужчина 35–40 лет, погиб от 15 стрел, попавших в тело и лицо, и от базальтового наконечника копья, поразившего правую ключицу [Нефёдкин, 2016, с. 34]. Также в одном из тел захоронения Диринг (север п-ова Сьюард на западе Аляски) обнаружены многочисленные наконечники. Автор книги о военно-политической истории Чукотки А. К. Нефёдкин полагает: «Вероятно, погребенный столкнулся с превосходящими силами противника и был изрешечен стрелами, не успев вернуться от них» [Там же].

Обряды принесения пленников в жертву являются общераспространенными в военной истории народов мира. Чукотский жертвенный обряд божеству моря описан в фольклоре тундровых юкагиров. Предание повествует, что чукчи

Рис. 5. Охранитель ребенка *уөн йуойэ*, дерево, мастер В. Г. Шалугин, с. Нелемное. [ПМА 2; Жукова, 2011]. Из фондов Музея музыки и фольклора народов Якутии.

Fig. 5. Child's guardian *uon yuoye*, wood, master V. G. Shalugin, Nelemnoe village [Author's field materials 2; Zhukova, 2011]. From the collections of the Museum of Music and Folklore of the Peoples of Yakutia

разожгли костер и сообщили плененному юкагирскому богатырю: «Когда развяжут, встанут вокруг тебя с копьями. Вот тогда тебя стоящего заколют... Побежишь кругами. Когда в третий раз подбежишь к тому месту, где [сейчас] стоишь, заколем» [Фольклор ... , 2005, с. 167]. Не исключено, что схожий жертвенный обряд в отношении пленницы был осуществлен группой воинов в позднем неолите Нижней Колымы, позднее по той же причине погибли пленники на Чукотке и Аляске. По публикации С. П. Кистенева не ясно, имелись ли следы остроконечников на костяке, разрушение черепа женщины скорее всего является ритуалом погребального обряда с целью выпустить находящуюся в голове тень/душу [Жукова, 2015а].

Боевые приемы окружения врага с последующим уничтожением – известная тактика ведения военных действий. В прошлом для таких случаев молодыми одулами отрабатывались приемы самозащиты. Военное обучение называлось *кичил* ‘обучение, наука’ и было довольно суровым. «Юноша, например, должен был стоять на открытом месте и стараться уклониться от тупых деревянных стрел, которые в него пускали со всех четырех сторон. Стрелы, попадая, не наносили раны, но причиняли сильную боль, сопровождаемую появлением опухоли» [Иохельсон, 2005б, с. 182]. В реальных условиях исход батальных событий был различен, исторические предания юкагиrow ярко описывают сцены спасения одиноких воинов из окружения врагов [Иохельсон, 2005а, тексты № 52, 56, 63, с. 157, 158, 168, 169, 185–187]. Общие приемы ведения боевых действий существовали у юкагиrow, чукчей и далее на восток к Северной Америке [Нефёдкин, 2016].

Рассмотрим *номинацию семантического ряда «острое – нож (оружие/орудие)»*. Одулы «острым» иносказательно называют любое оружие. Вот пример из текста коллективного заклинания, произнесенного во время замирения колымских юкагиrow и эвенов: «Острое если сделаем, пусть солнце на нас большую печаль пошлет...» [Иохельсон, 2005а, текст № 52, с. 157, 158; см. также текст № 36, с. 139]; в другом историческом предании в контексте угрозы: «Я острым (оружием) не убью, руками взявши, все его кости сломаю» [Там же, текст № 54, с. 164]. Под «острым» подразумеваются изготовленные из разных материалов предметы боевого арсенала (копья, стрелы, ножи и прочее).

Остроконечники в символическом значении проявляют инверсию и трансформируются. Так, в героическом предании нижеколымских юкагиrow маленький нож из рукава женщины в трудной житейской ситуации превратился в защитное копье [Фольклор ... , 2005, с. 151–153]. Копье аллегорически сравнивают с указательным пальцем, с угрозой говорят: «...испытаешь остроту моего копья... – букв. перевод: остроту моего указательного пальца» [Там же, с. 467]. Одулы, обращая на врага указательный палец, заговаривают: «Кукушка, плюнь!» [ПМА 2]. Кукушка в иерархии орнитоморфных персонажей считается одной из помощниц шамана [Иохельсон, 2005б, с. 286]. В народной культуре находим следующие ассоциации к определению «острое»: пословица «Худое слово поражает человека, как стрела» [Спиридонов (Тэки Одулок), 1996, с. 40]; фразеологизм «острый язык» [Иохельсон, 2005а, текст № 50, с. 152]; топоним Острый Камень (гора) [Там же, текст № 34, с. 132, 133], остроносый зверь – лиса.

Остроконечники в любовной магии, а именно стрелы, известны по материалам этнографии, сюжетам мифов и сказок многих народов («стрелы Амура/Купидона», русская сказка «Царевна-лягушка» и пр.), вероятно, антонимия

слов «война» и «мир» посредством архетипа «острое» относится к древним универсалиям. Остроголовы мужские и женские фигуры в любовных женских пиктограммах одулов, отличием женских фигур от мужских служат точечные изображения длинной косы, иногда – ширина прорисованной одежды. В мифологии лесных юкагиров кроме «Дедушки с Остроконечной Головой» предположительно Остроголовая Мать-прародительница [Жукова, 2012]. В женских пиктограммах антропоморфы сопряжены с темой любви, дружбы, семейных уз, что демонстрирует смысловые связи понятия «острое» не только с темой войны и оружия, но также с темой мира и любви. Подтверждение находим в историческом предании о замирении двух враждовавших юкагирских родов: после заверения «Солнце, не сердись! ...до конца жизни друг против друга острого делать не будем» в процессе жертвоприношения повесили (на дерево?) три стрелы, разрисованные красным ольховником. В. И. Иохельсон полагал, что эти умиловительные жертвы предназначались «божеству-солнцу, которое сердится за убийство людей» [Иохельсон, 2005а, коммент. 1 к тексту № 36, с. 139]. Выявляются такие философские доминанты, занимающие «думы» остроголового человека, как мир и война, жизнь и смерть, любовь и вражда. Архетип с многозначным определением «острое» проявляет амбивалентность с древности. Вероятно, именно в этом контексте остроконечные предметы были уложены под головы захороненных в позднем неолите двух женщин и мужчины.

Юкагиры с. Нелемного сохраняют древний обычай дарить женщине охотничий нож. Для мужчин и женщин охотничье-рыболовного народа, в прошлом большую часть года проводившего в кочевье, это необходимый универсальный инструмент. Добыв копытное животное, мужчина возвращался, указывал женщинам место, где оставил «мясо», они разделявали добычу, на санках перевозили к жилищам и делили между семьями рода. Здесь главнейшее орудие женщин – разделочный нож, поэтому дар в виде ножа означает пожелание иметь в доме добычу и кормильца-промысловика. Этнографии известны женские «мясные» и портновские ножи северо-восточных палеоазиатов [Богораз, 1991, с. 149–158].

Древние семантические связи женщины и ножа читаются при анализе инструментария грунтовой могилы детей на ымыяхтахской кратковременной стоянке Каменка II. В мир мертвых три костяка детей сопровождают три острых предмета, несущих гендерные отличия [Кашин, 2013, с. 140, 222, 223]. Между черепами мальчика и девочки один на другом лежали два предмета: вилка-шило из метаподии лося¹ длиной около 12 см и тщательно обработанный со всех сторон нож из халцедона. Ниже возле останков новорожденной девочки слева находился миниатюрный ножичек из кремня. Каменные ножи – необходимые предметы домашнего обихода, находились слева от костяков девочек, костяная вилка-шило – справа от мальчика. Местонахождение предметов согласуется с древней системой парных классификаторов: женское – левое, мужское – правое; в захоронении ножи рассматриваются как женские гендерные показатели; неясно, являются ли типы инструментов, лежащих у костяков девочек, сугубо женскими.

Подводя итоги сравнительному анализу, обратим внимание на *парный характер некоторых колымских неолитических захоронений*. Могилу старшего по возрасту человека сопровождало рядом произведенное в отдельной могиле

¹ О многофункциональном назначении остроконечного предмета из метаподии лося см.: [Жукова, 2025].

погребение младшего по возрасту человека, вероятно, ниже по статусу. В. А. Кашин полагал, что на Помазкино III захоронения мужчины (около 50 лет) и молодой женщины (до 25 лет) совершены примерно в одно время. То же наблюдается в Родинской могиле: молодую женщину (до 25 лет) сопровождал ребенок не старше 6 лет, его могила находилась в двух метрах. В археологических материалах подобная обрядность широко известна, в особенности с эпохи раннеклассовых обществ (господин – слуга, раб, член семьи и пр.). Один из вероятных истоков описываемой погребальной практики обнаруживается у лесных юкагиров, культурное поле которых сохраняет, по существу, поздненеолитические элементы: присваивающий полукочевой тип промыслового хозяйства, языческое мировосприятие, высокое положение женщины в семье, собака как единственное домашнее животное.

По рассказам жителей с. Нелемного, в прошлом старик мог сказать кому-либо из младших односельчан: «Я тебя своей палкой (посохом) возьму», имея в виду намерение после своей смерти иметь попутчика в страну предков [ПМА 2]. Попутчик функционально означал помощника и защитника по дороге в *айбидь-лэбиэ* ‘земля теней’, находящуюся на верхнем ярусе подземного мира [Иохельсон, 2005б, с. 222]. Попутчик в переносном смысле – защитное оружие; так, юкагирский промысловик в дороге пользовался луком как посохом, лук же клали в его могилу. Н. И. Спиридонов (Тэки Одулок) писал в начале XX в., что охотник-одул отправлялся на осенний промысел белки с кремневым ружьем, с собой брал «простой, тугой лук, заменяющий ему посох» [Спиридонов, 1996, с. 28].

Вскоре после смерти старика названный молодой человек скорострительно умирал от болезни или трагического случая. Таким образом, объяснение сельчанами преждевременной смерти отличалось от записи в медицинском свидетельстве². Неясно, хоронили ли одулы тела двух «путников» в мир теней на близком друг от друга расстоянии. Жители с. Нелемного следовали традициям предков и не выказывали сопротивления им, вероятно, в силу существующих реинкарнационных представлений о скором перерождении тени/души умершего в новом поколении [Иохельсон, 2005б, с. 226–234; Прокопьева, 2011; Гончаров, 2022; Жукова, 2025]. Факт насильственного лишения жизни младшего по возрасту/статусу человека с использованием магических практик имеет очень древние корни и может быть экстраполирован на одну из причин появления называемых нами «парных» поздненеолитических захоронений.

Заключение

Итак, в настоящей работе с применением различных методов исследования предполагаемый параллелизм артефактов поздненеолитических грунтовых могил Средней и Нижней Колымы, с одной стороны, и отдельных элементов традиционной культуры верхнеколымских юкагиров конца XIX – начала XXI в., с другой, что позволяет ставить вопрос о присутствии следов ранних общих нарративов. На материале разных исторических эпох предложена реконструкция общего пласта понятия «острое» в широком культурологическом диапазоне и одна из причин появления «парных» грунтовых могил. В конце XIX – начале XX в.

² Ср.: у народов Якутии распространено предубеждение, если в течение сорока дней в роду умирали два человека, то неизбежно должен умереть кто-то третий из рода.

В. И. Иохельсон и Н. И. Спиридонов (Тэки Одулок) писали о нехарактерном для юкагиров грунтовом типе захоронений. Выявленные параллели обнаруживают влияние на аборигенное население Колымского региона пришлых в древности носителей традиции грунтовых могил. По нашему мнению, культурное влияние оказалось столь значительным, что реплики и ассоциации проявляются спустя несколько тысяч лет. Не исключено, впрочем, что какие-то нарративы были изначально общими. Подлежит исследованию вопрос присутствия рассмотренных номинаций в последующих доолленоводческих и оленеводческих культурах юкагирских племен Средней и Нижней Колымы. Надо констатировать, что современные верхнеколымские одулы-собаководы продуцируют древний присваивающий охотничье-рыболовный тип хозяйства со специфическими мифопоэтическими культурными «окаменелостями» наряду с применением облегчающих труд технологических новинок.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ 075-00614-25-00).

Источники

ПМА 1 – полевые материалы автора. Опрос, проведенный в июле 1988 г. в пос. Зырянка Верхнеколымского района Якутской АССР, ныне Республика Саха (Якутия) (информант – Л. Н. Дёмина, 1950 г. р.)

ПМА 2 – полевые материалы автора. Опрос, проведенный в июле 1988 г. в с. Нелемном Верхнеколымского района Якутской АССР, ныне Республика Саха (Якутия) (информант – В. Г. Шалугин, 1934 г. р.)

Список литературы

- Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991. 222 с.
- Гончаров Н. С. Представления о переселении душ у полиэтничного населения Нижнеколымского района Якутии // Религиоведение. 2022. № 2. С. 41–52.
- Жукова Л. Н. Декоративно-прикладное искусство лесных юкагиров. Альбом. Якутск: Якут. край, 2011. 24 с.
- Жукова Л. Н. Очерки по юкагирской культуре. Ч. 2. Мифологическая модель мира. Новосибирск: Наука, 2012. 360 с.
- Жукова Л. Н. Древние грунтовые погребения р. Колымы (палеоэтнографический анализ) // Homo Eurasicus в системах социальных коммуникаций: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 26 окт. 2015 г. М.; Берлин, 2015а. С. 317–342.
- Жукова Л. Н. Неолитическое погребение Каменка II на Средней Колыме (палеоэтнографический анализ) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015б. № 3. С. 19–26.
- Жукова Л. Н. Костяные остроконечники особого типа в арсенале древнего населения Восточной Сибири и современных юкагиров (начало XXI в.) // 300 лет научных исследований в Забайкалье: материалы Междунар. науч. конф. Чита, 2024. С. 59–64.
- Жукова Л. Н. Юкагиры в истории и культуре: междисциплинарные исследования. Ч. 1. Искусство и фольклор. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2025. 132 с.
- Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005а. 270 с.
- Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В. Х. Иванова и З. И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005б. 675 с.
- Кашин В. А. Неолит Средней Колымы. Новосибирск: Наука, 2013. 224 с.
- Кашин В. А., Калинина В. В. Помазкинский археологический комплекс как часть циркумполярной культуры. Якутск: Северовед, 1997. 109 с.
- Кистенев С. П. Новые археологические памятники бассейна Колымы // Новое в археологии Якутии. Якутск, 1980. С. 74–87.
- Нефёдкин А. К. Очерки военно-политической истории Чукотки (начало I тыс. н. э. – XIX в.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. 368 с.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Средней Лены. Л.: Наука, 1972. 271 с.
- Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука, 1976. 190 с.
- Окладников А. П., Мазин А. И. Петроглифы бассейна реки Алдан. Новосибирск: Наука, 1979. 152 с.
- Прокопьева П. Е. Узнавание души новорожденного в культурной традиции лесных юкагиров // Праздники и обряды как феномен этнической культуры: материалы X С.-Петерб. этногр. чтений. СПб., 2011. С. 219–221.
- Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука, 1976. 311 с.

- Спиридонов Н. И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск : Северовед, 1996. 80 с.
- Туголуков В. А. Юкагиры // Семейная обрядность народов Сибири: (Опыт сравнительного изучения). М., 1980. С. 199–202.
- Федосеева С. А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск : Наука, 1980. 224 с.
- Фольклор юкагиров / сост. Г. Н. Курилов. М. ; Новосибирск : Наука, 2005. 594 с.
- Фольклор юкагиров верхней Колымы / сост. Л. Н. Жукова, И. А. Николаева, Л. Н. Демина. Якутск : Изд-во Якут. ун-та, 1989. Ч. 1. 161 с.; Ч. 2. 89 с.
- Эверстов С. И. Некоторые параллели в культурах древних ымыяхтахцев и юкагиров XVII–XIX вв. // Арктика и Север. 2014. № 15. С. 152–159.
- Юкагиры: историко-этнографический очерк / под ред. А. П. Окладникова. Новосибирск : Наука, 1975. 244 с.

Sources

- Author's field materials 1.* A survey conducted in July 1988 in the village of Zyryanka, Verkhnekolymsky district of the Yakut ASSR, now the Republic of Sakha (Yakutia) (informant – L. N. Demina, born in 1950).
- Author's field materials 2.* A survey conducted in July 1988 in the village of Nelemnoe in the Verkhnekolymsky district of the Yakut ASSR, now the Republic of Sakha (Yakutia) (informant – V. G. Shalugin, born in 1934).

References

- Bogoraz V. G. *Materialnaya cultura chukchei [Material culture of the Chukchi]*. Moscow, Nauka Publ., 1991, 222 p. (In Russ.)
- Everstov S. I. Nekotorye paralleli v kulturakh drevnikh ymyyakhhtakhtsev i yukagirov XVII–XIX vv. [Some Parallels in the Cultures of the Ancient Ymyyakhhtakhs and Yukagirs of the 17th–19th Centuries]. *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2014, Vol 15, pp. 152–159. (In Russ.)
- Fedosееva S. A. *Ymyyakhhtakhsкая kultura Severo-Vostochnoi Azii [Ymyyakhhtakh culture of Northeast Asia]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, 224 p. (In Russ.)
- Goncharov N. S. Predstavleniya o pereselenii dush u polietnichnogo naseleniya Nizhnekolymskogo raiona Yakutii [Ideas about the resettlement of souls among the multiethnic population of the Nizhnekolymsky district of Yakutia]. *Religiovedenie [Religious Studies]*. 2022, Vol. 2, pp. 41–52. (In Russ.)
- Iokhelson V. I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i folklor, sobrannye v Kolymskom okruge [Materials on the study of the Yukagir Language and folklore collected in the Kolyma District]*. Yakutsk, Bichik Publ., 2005a, 270 p. (In Russ.)
- Iokhelson V. I. *Yukagiry i yukagirizirovannye tungusy [Yukagirs and yukagirized Tunguses]*. Translate from English by V. Kh. Ivanov and Z. I. Ivanova-Unarova. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005b, 675 p. (In Russ.)
- Kashin V. A. *Neolit Srednei Kolymy [Neolithic of the Middle Kolyma]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2013, 224 p. (In Russ.)
- Kashin V. A., Kalinina V. V. *Pomazkinskii arkhеologicheskiy kompleks kak chast tsirkumpolyarnoi kultury [Pomazkinsky archaeological complex as a part of the circumpolar culture]*. Yakutsk, Severoved Publ., 1997, 109 p. (In Russ.)
- Kistenev S. P. Novye arkhеologicheskie pamyatniki basseina Kolymy [New archaeological sites of the Kolyma basin]. *Novoe v arkhеologii Yakutii [New in the Archaeology of Yakutia]*. Yakutsk, 1980, pp. 74–87. (In Russ.)
- Kurilov G. N. (comp.). *Folklor yukagirov [Folklore of the Yukagirs]*. Moscow, Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, 594 p. (In Russ.)
- Nefyodkin A. K. *Ocherki voenno-politicheskoi istorii Chukotki (nachalo I tys. n. e. – XIX v.)* [Essays on the military-political history of Chukotka (beginning of the 1st millennium AD – XIX centuries)]. St. Petersburg, Petersburgskoe Vostokovedenie Publ., 2016, 368 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. (ed.). *Yukagiry: istoriko-etnograficheskii ocherk [Yukagirs: a historical and ethnographic essay]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975, 244 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P., Mazin A. I. *Pisanitsy reki Olekmy i Verkhnego Priamuriya [The writings of the Olekma River and the Upper Amur region]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1976, 190 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P., Mazin A. I. *Petroglify basseina reki Aldan [Petroglyphs of the Aldan River Basin]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1979, 152 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P., Zaporozhskaya V. D. *Petroglify Srednei Leny [Petroglyphs of the Middle Lena]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972, 271 p. (In Russ.)
- Prokopenieva P. E. Uznaniye dushi novorozhdennoy v kulturnoi traditsii lesnykh yukagirov [Recognition of the Newborn's Soul in the Cultural Tradition of the Yukaghir Forest People]. *Prazdniki i obryady kak fenomen etnicheskoi kultury: materialy X Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii [Holidays and Rites as a Phenomenon of Ethnic Culture: Proceedings of the 10th St. Petersburg Ethnographic Readings]*. St. Petersburg, 2011, pp. 219–221. (In Russ.)
- Simchenko Yu. B. *Kultura okhotnikov na oleney Severnoi Evrazii [Culture of deer hunters of Northern Eurasia]*. Moscow, Nauka Publ., 1976, 311 p. (In Russ.)
- Spiridonov N. I. (Teki Odulok). *Oduly (yukagiry) Kolymskogo okruga [Oduls (Yukagirs) of the Kolyma District]*. Yakutsk, Severoved Publ., 1996, 80 p. (In Russ.)
- Tugolukov V. A. *Yukagiry [Yukagirs]*. *Semeinaya obryadnost narodov Sibiri: (opyt sravnitel'nogo izucheniya) [Family Rites of the Peoples of Siberia: (An Attempt at Comparative Study)]*. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 199–202. (In Russ.)
- Zhukova L. N. *Dekorativno-prikladnoye iskusstvo lesnykh yukagirov. Albom [Decorative and applied art of the forest Yukagirs. Album]*. Yakutsk, Yakutskii kraj Publ., 2011, 24 p. (In Russ.)

- Zhukova L. N. *Ocherki po yukagirskoi kulture. Ch. 2: Mifologicheskaya model mira [Essays on Yukagir culture. Part 2. Mythological model of the world]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2012, 360 p. (In Russ.)
- Zhukova L. N. Drevnie gruntovye pogrebeniya reki Kolymy (paleoetnograficheskii analiz) [Ancient soil burials of the Kolyma River (paleoethnographic analysis)]. *Homo Eurasicus v sistemakh sotsialnykh kommunikatsii: (Materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii) [Homo Eurasicus in the systems of social communications: (Materials of the VI All-Russian Scientific Conference)]*. Moscow, Berlin, 2015a, pp. 317–342. (In Russ.)
- Zhukova L. N. Neoliticheskoe pogrebenie Kamenka II na Srednei Kolyme (paleoetnograficheskii analiz) [The Neolithic burial of Kamenka II in Central Kolyma (paleoethnographic analysis)]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik [North-Eastern Humanitarian Bulletin]*. 2015b, Vol. 3, pp. 19–26. (In Russ.)
- Zhukova L. N. Kostyanye ostrokonechniki osobogo tipa v arsenale drevnego naselenia Vostochnoi Sibiri i sovremennykh yukagirov (nachalo XXI veka) [Bone pointed stones of a special type in the arsenal of the ancient population of Eastern Siberia and modern Yukagirs (beginning of the 21st century)]. *300 let nauchnykh issledovaniy v Zabaikalie: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [300 years of scientific research in Transbaikalia: materials of an international scientific conference]*. Chita, 2024, pp. 59–64. (In Russ.)
- Zhukova L. N. *Yukagiry v istorii i kulture: mezhdistitsiplinarnye issledovaniya. Chast 1. Iskustvo i folklor [Yukaghirs in History and Culture: Interdisciplinary Research. Part 1. Art and Folklore]*. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2025, 132 p. (In Russ.)
- Zhukova L. N., Nikolaeva I. A., Demina L. N. (comp.). *Folklor yukagirov verkhnei Kolymy [Folklore of the Upper Kolyma Yukagirs]*. Yakutsk, Yakutsk university Publ., 1989, Part 1, 161 p.; Part 2, 89 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Жукова Людмила Николаевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория археологии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1
e-mail: zjukova@mail.ru

Information about the author

Zhukova Lyudmila Nikolaevna

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Laboratory of Archeology, Institute of Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS; 1, Petrovskii st., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677000, Russian Federation
e-mail: zjukova@mail.ru